

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая

ЭТНО
ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ
ДУХОВНОЙ
КУЛЬТУРЫ

Под редакцией

В. И. Козлова, А. Н. Ямского, Н. И. Григулевич

МОСКВА, 2005

Редакторы:

В.И. Козлов, А.Н. Ямсков, Н.И. Григулевич

Рецензенты:

доктор исторических наук А.А. Белик
кандидат исторических наук А.Н. Седловская
кандидат исторических наук В.В. Степанов

Этноэкологические аспекты духовной культуры / Ред.: В.И. Козлов, А.Н. Ямсков, Н.И. Григулевич, М., ИЭА РАН. 2005. 324 с.

Тематический сборник включает статьи этнологов, географов и других специалистов, посвященные проблемам этнической экологии. Предметом анализа авторов служат адаптивные функции нематериальных явлений культуры, прежде всего религиозных представлений, роль элементов духовной культуры в жизнеобеспечении этноса, особенности восприятия природы и отношения к ней в культурах разных народов и другие проблемы, обусловленные наличием этнокультурной специфики во взаимодействиях общества и природной среды. Эти и другие тематически близкие вопросы рассматриваются как в теоретико-методологическом плане, так и на конкретных примерах народов Южной и Центральной Азии, Средиземноморья, Карпат, Поволжья, Крайнего Севера Евразии.

ISBN 5-201-13770-9

© Институт этнологии и антропологии РАН, 2005
© Коллектив авторов

В.И. Козлов

О некоторых проблемах этнической экологии

В последние десятилетия XX в. обществоведческие науки в России, как и вся духовная жизнь российского общества, находились в состоянии кризиса, вызванного главным образом тем, что господствовавшая в прошлом идеология марксизма-ленинизма была отвергнута, а сколько-нибудь равноценная ей так и не была создана. Отдельные методологические заимствования из работ западных гуманитариев, не имевших, кстати сказать, идеологического единства, не соединялись во что-то целостное; будучи пересаженными на российскую, точнее – русскоязычную почву, они зачастую приносили столь же мало пользы, как и приносимые ветром семена сорняков. Вместе с тем, подобно сорнякам, такие идеологические и методологические заимствования удивительно быстро размножались, причем не только среди журналистской братии, но и среди многих научных работников, стремившихся ради популяризации своих произведений к журналистскому стилю, украшенному новыми иностранными словечками. Понятийно-терминологический аппарат, являющийся основным инструментарием обществоведческих наук, в итоге сильно пострадал, утратив необходимую ему четкость и строгость. Поэтому, начиная теоретико-методологическую работу, необходимо хотя бы кратко пояснить основные используемые в ней термины и понятия, в данном случае понятия «экология» и «этническая экология», которые многими понимаются по-разному. **Экология** (от греч. «эйкос» – жилище, место пребывания) –

обширный комплекс наук, основной целью которых является изучение взаимодействия биологических особей (растений и животных) и образуемых ими сообществ с окружающей их средой и с сообществами такого же или другого биологического вида (видов). Объектами экологии могут быть локальные популяции организмов, биологические виды, территориальные сообщества, экосистемы и биосфера в целом. В первой половине XX века экология была подразделена на экологию особей одного вида («аутоэкологию»), популяционную экологию («демэкологию») и экологию сообществ различных видов («синэкологию»).

Взгляд на экологию как на комплекс биологических наук претерпел изменение с середины 1920-х годов после появления в американской литературе термина «экология человека». Намерение исследовать отдельно **экологию человека**, как биологического вида «*Homo sapiens*» (лат. – «человек разумный»), было достаточно обоснованным вследствие особой сущности человека, выделявшегося во всей биосфере своим высоким уровнем умственного развития, многофункциональным языком и другими социально-культурными параметрами, а также постепенно возрастающим воздействием на природную среду обитания. Стремление людей к познанию окружающей их природы и к самопознанию уже привело к тому времени к появлению многих самостоятельных наук о человеке: исследованием отношений людей с окружающей природной средой занималась главным образом география населения, естественным воспроизводством людей – демография, отношениями различных сообществ людей между собой – социология и т.д.; все они стали так или иначе соотноситься с экологией человека. Видное место в экологии человека, в отличие от экологии других биологических видов, занял раздел, характеризующий природопользование. В последние десятилетия значение его настолько возросло, что многие, казалось бы, достаточно образованные люди стали понимать экологию человека как науку о рациональном природопользовании и охране природы.

Приверженцы идеологии марксизма-ленинизма – так называемые «истматчики» – до недавнего прошлого изрядно потрудились над тем, чтобы обособить обществоведение от естествознания. Над

всеми теми, кто пытался восстановить органическое единство наук о человеке, висел как «дамоклов меч» жупел «биологизаторства»; нередко, впрочем, он и падал на головы неосторожных или неудачливых. Вследствие этого авторы первых советских работ по экологии человека предпочитали пользоваться термином **социальная экология**, как менее «биологическим». Но это более ухудшало, нежели улучшало методологию их исследований. Человек изначально, по своему генезису, является социальным, проще говоря, «стадным» животным, возникшим и развивавшимся в коллективе особей того же биологического вида. Однако «социальность» или «коллективность» отнюдь не является исключительно человеческим качеством: многие другие существа (муравьи, пчелы, бобры, павианы, шимпанзе и др.) ведут коллективный образ жизни и неизбежно гибнут, оторвавшись от своего сообщества. Несколько забегая вперед, отмечу, что географ С.М. Мягков в своей недавно опубликованной книге¹ предложил новое толкование «социальной экологии», приравняв ее к **этнической экологии**, о которой речь пойдет далее. Однако и такое толкование «социальной экологии» в методологическом отношении оставляет желать лучшего, так как под него более подходят не этнические общности, а политико-государственные образования, способные, кстати сказать, проводить через властные структуры особую экологическую политику, чего современные этносы, как таковые, делать не могут.

Боязнь гуманитариев быть обвиненными в «биологизаторстве» доходила до абсурдного избегания даже упоминаний о бытовой медицине. В этом мне пришлось убедиться самому при работе с редактором издательства «Наука» при подготовке к печати рукописи². В этой рукописи, характеризуя трудности адаптации мигрантов-мусульман из стран Южной Азии к новым условиям жизни, я сказал об их необычном, с точки зрения англичан, поведении в больницах, где они упорно отказывались принимать пищу и лекарства левой – «нечистой», по их традициям, – рукой. Редактора – бывшую выпускницу истфака МГУ – страшно возмутил приведенный мною пример, и она заявила, ничтоже сумняшеся, что этнография такими сюжетами не занимается и что она этого в печать не пропустит

(что она в конце-концов и осуществила). В плохом знании этнографами биологии человека мне пришлось недавно убедиться при знакомстве с интересными, на первый взгляд, работами Г.А. Комаровой по вопросам жизнеобеспечения русских, татарских и башкирских крестьян, оказавшихся в зоне радиоактивного облучения в долине р. Теча (Челябинская область), куда атомный завод «Маяк» сбрасывал свои радиоактивные отходы. Через все опубликованные автором материалы³ красной линией проходила мысль о трудном культурно-бытовом процессе адаптации этих крестьян к вредным условиям жизни, о возможном использовании опыта выживания различных этнорелигиозных групп. Однако каждому читателю, знакомому с биологией человека, понятно, что люди – это не тараканы, могущие уцелеть даже после атомной войны; к радиации люди по своей биологической природе адаптироваться, к сожалению, вообще не могут, никакого полезного культурно-бытового опыта они при этом не приобретают и могут уберечь себя лишь переселением в такие регионы, где радиации нет.

Из сказанного напрашиваются два вывода. Один из них заключается в необходимости введения на всех гуманитарных факультетах хотя бы краткого курса биологии человека. Другой – в наведении методологических, так сказать, мостов между обществоведческими и естественными науками, причем активную роль в этом может и должна сыграть экология человека.

В своей монографии⁴ я предложил определять экологию человека как «комплексную науку, в которой выделяются две части – биологическая и социально-культурная; последний термин представляется более точным, чем просто “социальная”, так как некоторые животные также ведут “социальный” (коллективно-популяционный или стадный) образ жизни... Без социально-культурной части экология человека превращается в экологию одного из видов млекопитающих и включается в общую экологию, без учета биологической части она растворяется главным образом в культурологии и социологии ... Основной задачей экологии человека является изучение факторов жизнеобеспечения групп (общностей) людей в конкретных природных условиях их обитания и возникающих при этом взаимосвязей

между обществом и природой. Жизнеобеспечение групп (общностей) людей достигается при этом путем их адаптации к условиям среды обитания, определяемым особенностями климата, орографии и другими абиотическими, биотическими и антропогенными факторами. При этом, опять таки, можно выделить биологическую адаптацию (главным образом – физиологическую и морфологическую), обусловленную биологическими особенностями человека и особенностями среды его обитания, и социально-культурную (в том числе психологическую) адаптацию, обусловленную в конечном счете (по марксизму) исторически достигнутым уровнем развития хозяйственной деятельности и производственных отношений. Важную роль при этом играет и культура как в ее динамических формах, так и в виде более или менее консервативных традиций»⁵. Однако последующие раздумья привели меня к необходимости уточнения некоторых из приведенных выше положений.

Введя в определение понятия «экология человека» параметр «культуры», мы, к сожалению, недостаточно уточняем сущность этой научной дисциплины вследствие очень широкого и разнообразного толкования термина «культура», чем грешат не только этнографические, но и культурологические работы. В подавляющем большинстве случаев термином «культура» обозначают все, что отличает действия человека от животных, и по мере исторического развития человечества усиливается это различие: от примитивных орудий труда и раскраски лица до современных компьютеров и «высокой моды», от первобытных религиозных представлений и рациональных хозяйственных традиций – до научных трудов, различных видов искусств и художественной литературы. К концу 1950-х годов в американской научной литературе, наряду с уже бытовавшим термином «культурная антропология» (что соответствовало нашей «этнографии»), появился термин «культурная экология», но на русском языке он выглядит почти столь же неуклюже, как, скажем, термин «культурная экономика». Еще менее удачным был предложенный у нас в 1980-х годах академиком Д.С. Лихачевым термин «экология культуры», которым он обозначил главным образом необходимость охраны памятников древней и средневековой архитек-

туры⁶. Некоторую методологическую сумятицу, не преодоленную полностью до сих пор, внесла в нашу этнографическую науку книга «Культура жизнеобеспечения и этнос»⁷. Книга претендовала на решение центральной экологической проблемы жизнеобеспечения на базе ограниченного фактического материала, сводящегося к этнографическим материалам по поселениям, жилищам и пище армянского сельского населения. При этом, к сожалению, понятие «жизнеобеспечение» было неоправданно сужено до части компонентов сельской материальной культуры, да и в них введены какие-то странные ограничения: заявлено, например, что производство муки не входит в «культуру жизнеобеспечения», а выпечка хлеба – входит; рубка леса не входит в «культуру жизнеобеспечения», а обработка балок для дома – входит и т.д. Характеристика особенностей природных зон Армении, по которым идет анализ поселений, жилищ и пищи крестьян, в книге не дана, а потому этот анализ буквально повисает в воздухе. Попытка поддержать научное значение термина «культура жизнеобеспечения» путем использования кое-где вместо него более наукообразного термина «жизнеобеспечивающая система» ситуацию не улучшает. Поэтому дальнейшее употребление такой ущербной методологии для развития исследований в рамках экологии человека было, с моей точки зрения, нецелесообразным. Более перспективным представлялось развитие исследований по тематике, названной этнической экологией.

Этническая экология была определена мною как научная дисциплина, возникшая на стыке этнографии с экологией человека и имеющая зоны перекрытия (они же – зоны взаимодействия) с этнической антропологией, этнической географией, этнической демографией, медицинской географией, этнической психологией и другими уже достаточно оформившимися общественными и естественными науками и научными дисциплинами о человеке. Будучи неразрывно связанной с этнографией (этнологией), этническая экология ставит в центр своего внимания, в качестве объекта исследования, этносы как естественно-исторически возникшие, устойчивые общности людей, обладающие специфической культурой и бытовыми традициями, которые проявляются в процессах адаптации и жизнеобес-

печения различных групп людей. В основные «предметные» задачи этнической экологии входит изучение особенностей традиционных систем жизнеобеспечения (в самом полном значении этого термина) этнических групп в природных и социально-культурных условиях их обитания, а также влияние сложившихся этноэкологических взаимосвязей на здоровье людей и процессы естественного воспроизводства в этнических группах, изучение культурной специфики использования этническими группами природной среды и специфики их воздействия на эту среду, определение закономерностей формирования и функционирования относительно независимых этноэкологических систем.

Поскольку исследованиями в области этнической экологии приходится заниматься главным образом этнографам (этнологам), т.е. людям, получившим гуманитарное образование, постольку следует еще раз предупредить их о недопустимости пренебрежительного отношения к биологии человека, о ставшей уже традиционной для гуманитариев недооценке биологических сторон жизнеобеспечения и, вместе с тем, о преувеличении роли культурных факторов. Следует осознать, что человек был и, пока он жив, остается существом биологическим, и биология человека – наукой биологической, над которой не властны любые обвинения в «биологизации» изучаемых ею явлений и процессов. Гуманитарии, желающие подняться над биологией, могут говорить о том, например, что животные адаптируются к природным условиям среды обитания «биологически», а люди, дескать, «культурно», и что между биологической и культурной адаптацией существует жесткая перегородка, но они должны строго проверить все свои аргументы. Конечно, между полевой мышью, которая делает себе на зиму норку и откладывает в ее ответвлениях запасы зерна, и человеком, который строит себе жилище с амбаром для такого же зерна, имеются существенные различия в характере и способах строительства: мышь использует для этого свои лапки с коготками и остренькое рыльце, а человек – свои руки, снабженные орудиями труда. Но ведь биология мыши как таковой остается при этом столь же неизменной, как и биология человека, поэтому в способах их адаптации, как млекопитающих существ, имеется и что-

то общее... Человек может адаптироваться к среде обитания биологически; об этом свидетельствуют, например, факты расширения грудной клетки и объема легких у жителей высокогорий вследствие разреженности там воздуха и нехватки кислорода для нормально-го метаболизма. У нас в России проблемами биологической адаптации популяционных групп занимается главным образом академик Т.И. Алексеева⁸. Что же касается «культурной» адаптации, то в этноэкологических исследованиях это понятие в полную силу может относиться только к группам людей (например, иммигрантам), оказавшимся среди населения с иной культурой (языком, религией и т.п.) и желающим приспособиться к жизни в новой среде. Такая адаптация, называемая обычно «аккультурацией», может перейти в «ассимиляцию» с почти полным изменением духовной сферы жизни людей.

Несколько пренебрежительным отношением к биологии человека грешили даже такие сравнительно солидные исследования советских этноэкологов, как, например, монография И.И. Крупника⁹. Автор довольно подробно рассмотрел в ней проблемы добычи различных видов пищи аборигенами Севера для их жизнеобеспечения, но «забыл» дать анализ пищи по ее составу (углеводы, жиры, белки, витамины и микроэлементы) в разные сезоны года, а без этого характеристика питания приобрела черты какого-то художественного очерка. К недостаткам этой монографии следует отнести и отсутствие внимания автора к некоторым биотическим компонентам природной среды обитания аборигенов Севера, т.е. к окружающему их миру живых существ, включая и различные виды кровососущих паразитов. Судя по тексту книги, автор сам побывал в районах Крайнего Севера и наверняка испытал все бытовые «прелести» тамошней жизни, однако счел, видимо, зазорным писать о традициях борьбы аборигенов с насекомыми, которые кишат в их меховой одежде и постельных принадлежностях, а также о традиционных методах спасения от тундрового гнуса в теплые месяцы года. Однако никакого жеманства в этноэкологических исследованиях быть не должно; если поставил задачу проанализировать все аспекты жизнеобеспечения, то изволь поинтересоваться, например, и тем – имеют-

ся ли у обследуемой группы людей специальные отхожие места и где традиционно они располагаются... В этом этноэкологам придется учиться у медиков и гигиенистов...

Затронутая мною тематика вплотную подводит к обширной проблематике связей и взаимоотношений этнической экологии с медициной, прежде всего – с так называемой «традиционной» или «народной» медициной. Такой вид медицины включается обычно в сферу народных знаний и тем самым относится к «культуре», но он многими своими разделами входит в этническую экологию, так как возникновение и развитие такой медицины (да и медицины в целом) определялось задачей жизнеобеспечения групп людей в конкретных условиях природной среды их обитания. В своей монографии я кратко рассмотрел связи этнической экологии с «медицинской географией» и место «народной медицины» в системе жизнеобеспечения этноса¹⁰, однако затронутые мною вопросы требовали более основательной разработки. Во второй половине 1990-х годов я был научным руководителем исследования Л.И. Никоновой по «народной медицине» у групп мордовского этноса¹¹, а затем ее научным консультантом по изучению «народной медицины» у других народов Среднего Поволжья, но собранный ею огромный материал требует еще дальнейшего осмысления в кооперации с медиками.

Недостаточная разработка российскими учеными проблематики, находящейся на стыке этнографии и этнической экологии с медициной, особенно заметна при сопоставлении с ситуацией в США, где уже несколько десятилетий успешно развиваются две очень близкие научные дисциплины: «медицинская антропология» и «антропологическая медицина» (термином «антропология» американцы называют физическую и культурную антропологию). Для того, чтобы такое отставание было нагляднее, приведу содержание книги Д. Фостера и Б. Андерсона «Медицинская антропология»¹² с некоторыми пояснениями (в скобках): 1. Новое поле (исследований) медицинской антропологии; 2. Медицинская антропология и экология; 3. Медицинские системы (теория болезней, концепции здравоохранения как часть культуры); 4. Этномедицина; 5. Этнопсихиатрия; 6. Шаманы, колдуны и другие целители; 7. Незападные медицинс-

кие системы: их сильные и слабые стороны; 8. Традиционное поведение больных; 9. Правила поведения больных в больницах; 10. Профессионализм в медицине: врачи; 11. Профессионализм в медицине: медицинские сестры; 12. Антропологи и медицинский персонал; 13. Антропология и медицина в изменяющемся мире: тенденции и проблемы; 14. Антропология и питание; 15. Биоэтика: рождение, старость и смерть. Нетрудно установить, что в российской литературе этноэкологической направленности получила некоторое освещение лишь часть из тем исследований, перечисленных выше по названиям глав книги Фостера и Андерсона: взаимоотношение медицинской антропологии с экологией (главным образом в теоретико-методологическом отношении), этномедицина («народная медицина») и антропологические (этнокультурные) особенности питания. Все другие темы не привлекают пока внимания исследователей, хотя научная, да и практическая ценность почти всех их не подлежит сомнению.

Обратимся теперь к другой группе проблем.

В этнической экологии (и шире – в экологии человека) при исследовании вопросов жизнеобеспечения той или иной группы людей с этнографических, так сказать, позиций принято уделять основное внимание их хозяйственной деятельности, а также тем компонентам материальной культуры (жилище, одежда, пища и др.), которые непосредственно обеспечивают физическое (телесное) существование людей. Именно так поступили авторы по-существу первой советской монографии на данную тему – уже упомянутой выше книги «Культура жизнеобеспечения и этнос», где были рассмотрены только поселения, жилище и питание сельского армянского населения¹³; аналогичным образом поступают и их последователи. Некоторое расширение комплекса изучаемых компонентов материальной культуры или, напротив, сужение его до наиболее важных (первое место среди таковых обычно уделяется пище) сути дела не меняет. Между тем, понятие «жизнеобеспечение» даже применительно к сравнительно небольшой группе людей, образующих локальную популяцию, подразумевает необходимость удовлетворения не только их телесных, но и духовных потребностей. В Святом Писании справед-

ливо сказано, что не единым хлебом жив человек, ибо без духовной пищи он действительно может опуститься до животного уровня. Да и удовлетворение телесных потребностей нередко регламентировано установками, которые относятся к сфере духовной культуры. Весьма показательны в этом отношении различные пищевые табу, при соблюдении которых, например, правоверный мусульманин предпочтет голодать, но не употреблять в пищу свинину. Что же касается жизнеобеспечения этноса в полном смысле этого понятия, то оно предусматривает поддержание его существования во времени, т.е. этническое воспроизводство, которое немыслимо без передачи от старшего поколения к младшему всего комплекса не только материальной, но главным образом – духовной культуры, определяющей основную специфику этноса.

Многочисленные компоненты духовной культуры коренятся в сознании людей, взаимодействуя там так или иначе между собой, поэтому их труднее отграничить друг от друга, чем элементы материальной культуры. Тем не менее, при анализе роли духовной культуры в традиционном жизнеобеспечении мне представляется целесообразным в методологическом отношении выделить группу тех ее компонентов, которые участвуют в этом жизнеобеспечении непосредственно, и тех, которые связаны с ним опосредованно. В первую группу с некоторой условностью могут быть включены передаваемые от поколения к поколению традиции хозяйственной деятельности в определенных географических условиях и опыт природопользования, а также относящиеся к этому все виды народных знаний по ботанике (этноботанике), зоологии (этнозоологии), метеорологии (этнометеорологии) и т.п. Сюда же можно отнести традиции организации коллективной производственной деятельности (семейной и общинной) и другие компоненты так называемой соционормативной культуры, традиции естественного воспроизводства (этнодемография) и традиции воспитания нового поколения, традиции обеспечения физического (телесного) здоровья (этномедицина) и психического здоровья или комфорта (этнопсихология). Во вторую группу входят по существу все остальные элементы духовной культуры, возникшие в ходе исторического развития общества и

усложнения социальной жизни людей для удовлетворения тех или иных возникавших при этом потребностей. Некоторые явления современной так называемой «массовой» культуры, созданные причудливой модой и прихотью сравнительно небольших групп людей, по тем или иным причинам получили довольно широкое распространение, но к сфере жизнеобеспечения их можно отнести лишь условно.

Целесообразность подразделения разнообразных компонентов духовной культуры по их связям с жизнеобеспечением этноса на две охарактеризованные выше группы может быть мотивирована еще и тем, что в первую группу входят такие элементы духовной культуры, которые, подобно компонентам материальной культуры, имеют преимущественно рациональный жизненный смысл; во вторую же – такие ее элементы, в которых рациональное так или иначе переплетается с иррациональным, а иногда и уступает ему. Достаточно показателен в этом отношении приведенный выше пример пищевых запретов, которые, возможно, имели в своем генезисе какой-то рациональный смысл, но затем полностью утратили его и сохраняются главным образом вследствие закрепления их в консервативных установках религии. Да и вся религия как таковая, занимающая в системе жизнеобеспечения этноса особое место (об этом речь пойдет далее в специальном разделе), основана на иррациональных началах и изобилует иррациональными установками. В связи с этим может встать вопрос – а не правильнее было бы вообще включать в систему традиционного жизнеобеспечения только компоненты духовной культуры с рациональным содержанием? По моему мнению, этого делать не следует, ибо в таком случае мы сильно упростили бы сущность человека и проблематику его бытия во времени и пространстве.

Ученые уже давно и неоднократно делали попытки определить основные специфические черты человека современного вида, т.е. того существа, которое появилось на территории Европы около 50 тысяч лет тому назад и получило у биологов и физических антропологов название *Homo sapiens*. Ф. Энгельс, как известно, увидел эту специфику в способности людей изготавливать орудия труда. Однако зоологи установили, что многие млекопитающие также могут изготавливать простейшие орудия и пользоваться ими, поэто-

му правильнее было бы, вслед за Ф. Энгельсом, определить человека как млекопитающее, которое способно делать орудия труда для изготовления других орудий труда. Такое определение будет более точным, но не полным, так как относится лишь к трудовой деятельности человека, а она даже в глубокой древности занимала лишь часть времени, свободного от сна; в настоящее же время оно вообще приложимо лишь к сравнительно небольшому числу промышленных и сельскохозяйственных рабочих. Другое напрашивающееся определение обусловлено способностью людей «мыслить», но и его не так-то легко использовать для демонстрации «качественной» особенности человека, так как все другие млекопитающие также имеют мозг и какие-то формы сознания, причем у человекообразных обезьян и, например, дельфинов, – довольно развитые. Если же пойти по пути определения степеней развития сознания, поставив человека на высшую из них, то можно свести суть вопроса к сравнению калькуляторов различных «поколений»; именно к этому, кстати сказать, сводятся рассуждения некоторых кибернетиков, которые стремятся создать искусственный интеллект и почему-то никак не могут добиться успеха. К сожалению, такие идеи проникли и в нашу антропологию; академик В.П. Алексеев, например, в своей обширной монографии «Становление человечества», поставив сам вопрос – «Почему человеческий ум ищет объяснений?» – и пытаясь ответить на него, не нашел ничего лучшего, как сравнить человеческий ум с очень сложной кибернетической системой, которой для нормального функционирования необходимо, якобы, «предугадывать ход будущих событий»¹⁴. Можно подумать, будто бы тигр, крадущийся к оленю, или обезьяна, влезая по стволу за кокосовым орехом, не предугадывают ход дальнейших событий? Еще как предугадывают: тигр – прыжок, обезьяна – отрыв кокоса от ветки и т.д. Конечно, опытный шахматист рассчитывает варианты развития партии на несколько ходов вперед, но речь-то должна идти не о гроссмейстерах, а о простых смертных только что сформировавшегося биологического вида *Homo sapiens*. Следовательно «качественная» особенность человеческого сознания – не в умении предугадывать события, а в чем-то другом...

Затронутый мною вопрос о качественном своеобразии человеческого сознания или разума заслуживает специального и обстоятельного рассмотрения. Поэтому ограничусь здесь ссылкой на такого глубокого исследователя, как Б.Ф. Поршнев, который отметил наличие в человеческом сознании с самого начала его естественного возникновения не только преобладающих рациональных, но и существенных иррациональных элементов: «люди, – по его меткому определению, – единственный вид, способный к абсурду»¹⁵. В политико-идеологических условиях конца 1960-х годов, когда приведенный вывод Б.Ф. Поршнева был опубликован, да и позже, пока истматчики сохраняли свой контроль над научными исследованиями, этот вывод оставался без должного внимания, но чем больше над ним размышляешь, тем более значительным и по существу основополагающим он представляется. Всю историю человеческого общества, от ее ранних этапов, когда, как показал Л. Леви-Брюль, особенно ярко проявлялись черты «дологического» мышления и возникали странные, с точки зрения людей современного общества, верования и обряды, и до современности, когда бурно развивающаяся наука и техника (особенно в области космонавтики) сосуществуют в сознании многих людей с религиозной верой в небесного Бога (или – богов) и когда чуть ли не лучшие умы человечества поставили его перед угрозой самоуничтожения, было бы трудно понять без признания того, что в человеческом сознании были и есть какие-то изначально заложенные иррациональные, абсурдные элементы или склонность к спонтанному проявлению таковых. О том, что все гениальные мыслители были в той или иной степени шизоидами, говорят многие авторы¹⁶.

Таким образом, можно утверждать, что разум человека не только служит удовлетворению биологических в конечном счете потребностей по сохранению индивида и вида (в форме популяций, этнических общностей и т.п.), но и обладает своего рода «надбиологической» самостоятельностью, проявляющейся, например, в самопознании и требующей самоудовлетворения, причем получаемое при этом духовное удовольствие может не уступать по силе и по жизненной значимости телесным, так сказать, удовольствиям,

что проявляется в ощущении «счастья». Последнее обстоятельство в немалой степени способствует развитию как самого разума, так и связанной с ним всей сферы духовной культуры, которая входит в традиционную систему жизнеобеспечения. Следует учитывать также, что человеческое сознание, которому, как уже отмечалось, изначально присущи иррациональные и даже «абсурдные» элементы, способно находить удовлетворение также не только в успешной рациональной деятельности, но и в чем-то иррациональном, например, в религии, которую К. Маркс удачно назвал «опиумом народа», в различных иллюзиях и социальных мифах, а также путем сознательного самоодурманивания себя различными наркотическими средствами, например, алкоголем.

К рассматриваемым иррациональным и абсурдным по своей сущности элементам сознания и духовной культуры можно отнести и существующую у людей потребность в получении по возможности более высокого социального статуса (вплоть до статуса «главаря»), наблюдаемую в примитивном виде у многих стадных животных, но сочетающуюся у человека с более широкой потребностью утверждения себя как личности («эго»), превосходящей по тем или иным качествам другие личности. В советской науке это было охарактеризовано С.А. Арутюновым как потребность «престижа», которая иногда удовлетворяется через явно иррациональную форму «вейстинга» (растранжиривания). «И накопление ненужных вещей, – пишет он, – и перевод зерна в алкоголь с последующим его ритуальным выпиванием («потлачи» первобытности и пышные банкеты современных урбанистических обществ), и помпезно-монументальное строительство, и культовая практика – все это разные формы вейстинга. Он может иметь внешне конструктивную форму, но по существу он деструктивен»¹⁷. Термин «культовая практика», с учетом существования «культы личности» в советской истории, требуют, конечно, некоторых пояснений, но в целом его вывод представляется методологически значимым, особенно при анализе исторического соотношения «экофилии» и «экофобии».

Насколько можно судить по этнографическим материалам, относящимся к родо-племенным общностям, на стадии первобытности

люди не вполне отделяли себя от природы, что отразилось в религиозных верованиях, получивших название «анимизма» и «тотемизма». Подробнее об этом речь пойдет далее в отдельной статье; здесь же отмечу лишь, что такая слитность людей с природой не должна приводить к выводу о том, будто бы первобытные люди изначально были сознательными экофилами. Судя по всему, не появилась какая-то сознательная всеохватывающая экофильность и с переходом от присваивающего типа хозяйства (собирательство, охота, рыболовство) к производящему типу (земледелие, скотоводство), хотя с этим переходом, кстати сказать, заложившим базу для возникновения классового общества, обычно связывают более формализованное одухотворение и обожествление сил и явлений природы, то ли в образе «богини Земли», «бога моря» и т.п., то ли в образах локальных божеств и духов, вроде лесных дриад и речных нимф у древних греков. Показательно, что те же древние греки допустили развитие скотоводства (главным образом – козоводства) до такой степени, что многие некогда зеленые области Пелопонесса были превращены буквально в каменистую пустыню. Показательна и возникшая в классовых формациях практика сооружения грандиозных храмов для тех или иных богов или, например, гигантских пирамид для обожествляемых владык, на что тратились огромные людские и природные ресурсы.

Странное мирное, так сказать, сосуществование экофильных и экофобных мотивов особенно заметно в христианских странах, где распространение явлений экологического кризиса сочетается с пренебрежительным отношением к нему. Приводимые в научной литературе и проникающие в средства массовой информации сведения об истощении природных ресурсов, об ухудшении среды обитания и другие свидетельства экологического кризиса, переходящего в экологическую катастрофу, как бы скользят мимо сознания миллионов даже достаточно образованных людей или отторгаются от сознания оптимом оптимизма, мыслями о том, что такая катастрофа либо не наступит, либо как-то пройдет стороной. Уместно привести в этой связи идилическую картинку, нарисованную известным немецким писателем Б. Брехтом в стихотворной форме:

Они пилили сучья, на которых сидели сами,
И притом кричали о своей опытности,
О том, как можно пилить еще быстрее...
И они с грохотом полетели в бездну.
Взиравшие на них, покачивая головами,
Тем не менее, продолжали пилить¹⁸.

Известный немецкий философ В. Хёсли в своих экологических этюдах также прибегает к красочным образам. Он пишет: «Мы не знаем, успеет ли разум вскочить на подножку локомотива поезда, бешено мчащегося к краю бездны, куда мы все и низвергнемся, если не сумеем вовремя остановить его (учитывая и немалую длину тормозного пути). Но что есть локомотив современного мира? Конечно же, экономика, мотор которой, ее движущее начало суть популяризированные ценности и категории нового времени – иллюзия изготовимости, желание перейти любую количественную границу, беспощадность по отношению к природе»¹⁹. В. Хёсли ставит вопрос о том, каким же образом существа, давшие сами себе биологическое видовое имя «Человека разумного», оказались вовлеченными в коллективное гибельное движение к катастрофе? Однако его ответ, объясняющий экологическую катастрофу забвением людьми «идеалов мудрости», по сути дела мало что проясняет. Гораздо понятнее в этом отношении указанная Б.Ф. Поршневым изначальная склонность людей к абсурдному мышлению, хотя и ее, конечно, следует объяснить каким-то непонятным сбоем в функциях мозга.

Таким образом, человечество вошло в третье тысячелетие хронологически принятой христианской истории с грузом созданных им же тяжелых, хуже того – смертельно опасных экологических проблем, недостаточно осознавая эту опасность и не имея четкого глобального плана борьбы с этой опасностью. В задачу данной статьи не входит анализ сущности локальных и глобальных экологических проблем; отсылаю всех интересующихся этой тематикой к превосходной, по моему мнению, монографии американского ученого П. Кеннеди «Вступая в двадцать первый век»²⁰. А в завершение отмечу, что первостепенное значение в борьбе против наступающей, а кое-где уже проявившейся экологической катастрофы, имеют не столько какие-то «щадящие» преобразования в сфере материальной культуры и материального производства, сколько в преобразовании

духовной культуры. Внедрение в жизнь экофильных идей в различной этнопсихологической среде пойдет, разумеется, по разному, но эта проблематика, относящаяся главным образом к сфере экологического воспитания, заслуживает специального рассмотрения.

Из сказанного, надеюсь, достаточно ясно, что круг проблем, затронутый в связи с рассмотрением тематики «духовная культура и жизнеобеспечение этноса», очень широк. Но в задачу этой статьи не входит конкретизация хотя бы части из них – это будет делаться в отдельных статьях данного тематического сборника.

Примечания:

¹ Мягков С.М. Социальная экология. Этнокультурные основы устойчивого развития. М., 2001.

² Козлов В.И. Иммигранты и этнорасовые проблемы в Британии. М., 1985.

³ Комарова Г.А. Люди и радиация: этнокультурные аспекты экологического бедствия на южном Урале // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 122. М., 1999.

⁴ Козлов В.И. Этническая экология. Становление дисциплины и история проблем. М., 1994.

⁵ Там же. С. 50–51.

⁶ Лихачев Д.С. Экология культуры // Лихачев Д.С. Заметки о русском. М., 1984.

⁷ Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры). Ереван, 1984.

⁸ См.: Алексеева Т.И. Географическая среда и биология человека. М., 1971; Она же. Адаптивные процессы в популяциях человека. М., 1986.

⁹ Крупник И.И. Арктическая этноэкология. Модели традиционного природо пользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М., 1989.

¹⁰ Козлов В.И. Этническая экология...

¹¹ См.: Никонова Л.И. Мордовское целительство. Саранск, 1998.

¹² Foster G.M., Anderson B.G. «Medical Anthropology». 1978.

¹³ Культура жизнеобеспечения и этнос...

¹⁴ Алексеев В.П. Становление человечества. М., 1984. С. 453.

¹⁵ Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории // Философские проблемы современной науки. М., 1969. С. 110.

¹⁶ См., например: Лук А.Н. Мышление и творчество. М., 1976.

¹⁷ Арутюнов С.А. Культурологические исследования и глобальная экология // Вестник Академии Наук СССР. 1979. № 13.

¹⁸ Цит. по: Хёсли В. Философия и экология. М., 1994. С. 39.

¹⁹ Там же. С. 68–69.

²⁰ Кеннеди П. Вступая в двадцать первый век. М., 1997.

Содержание

<i>Ямсков А.Н.</i> Исследования экологических функций нематериальных явлений культуры (вместо введения)	3
<i>Козлов В.И.</i> О некоторых проблемах этнической экологии.....	15
<i>Козлов В.И.</i> Экологические аспекты религиозных верований	33
<i>Иванова Ю.В.</i> Труд людей и мир богов	58
<i>Алексеева Н.Н.</i> Экологические аспекты социально-культурных традиций Индии	81
<i>Дробышев Ю.И.</i> Экологическая специфика культуры монголов конца XIV–XVI вв.	102
<i>Красовская Т.М.</i> Экологическая рациональность мировоззрения коренных малочисленных народов Крайнего Севера России.....	150
<i>Четкарева Р.П., Четкарев Ю.Э.</i> Взгляды народа мари на природу и нравственность	176
<i>Струенкова Г.А.</i> Отношение к природе и традиции природопользования в духовной культуре мордвы	192
<i>Токсубаева Л.С.</i> Экологические мотивы в традиционном изобразительном искусстве русского населения Казанского Поволжья	216
<i>Бойко И.А.</i> Географические аспекты формирования и дифференциации музыкального фольклора украинцев Карпат... ..	221
<i>Ямсков А.Н.</i> Экологически значимые культурные архетипы поведения человека	266
<i>Григулевич Н.И.</i> Экологическое образование школьников как один из путей формирования их духовной культуры.....	297